
ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

МАХАТМА ГАНДИ: «АПОСТОЛ НЕНАСИЛИЯ»

М. Т. Степанянц

Вершина совершенства, нравственного роста, к которому стремятся люди, у каждого народа именуется по-своему. Это не исключает, однако, сущностной общности шкалы нравственных ценностей одной культуры с ценностными системами других культур. Нареченный именем Махатма – «Великая душа» – не может быть таковым лишь для своих соотечественников. Он неизбежно должен быть признан в масштабах мирового сообщества. Убедительным примером тому является Махатма Ганди, справедливо признаваемый «бапу» – отцом индийской нации и в то же время «апостолом ненасилия» для всех наших современников.

Автобиографический труд Ганди (в русском переводе «Моя жизнь») называется «Автобиография, или история моих экспериментов с истиной». Ганди экспериментировал с разными формами ненасилия. Первоначально это был опыт использования ненасильственных методов в борьбе против расизма в Южной Африке. Организованные Ганди в 1908–1914 гг. *сатьяграхи* (буквально «упорство в истине») представляли собой ненасильственное сопротивление посредством кампаний гражданского неповиновения. Они оказались настолько успешными, что привлекли внимание мировой общественности. Ганди поддержали Бернард Шоу, Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, Ромен Роллан, Лев Толстой.

По возвращении на родину в 1915 г. Ганди стал использовать сатьяграхи в борьбе за национальную независимость Индии. Благодаря его усилиям в 1920 г. возглавлявшая национально-освободительное движение партия – Индийский национальный конгресс – приняла подготовленную им резолюцию о «прогрессивном ненасильственном несотрудничестве», в которой сатьяграха признавалась общенациональным методом борьбы с колониализмом. В связи с этим рекомендовалось не покупать иностранные товары, не участвовать в выборах в законодательные органы, не поступать на военную службу, бойкотировать английские суды, школы, колледжи, отказываться от почетных званий, уйти в отставку с постов в органах управления и т. п.

Хотя многие критиковали Ганди, усматривая в его позиции слабость, склонность к подчинению интересов народа интересам колонизаторов, дальновидные политики оценили сатьяграху как ярко выраженную, хотя и ненасильственную, форму сопротивления, как фактически мирное восстание, высокоцивилизованный метод ведения войны. По словам Джавахарлала Неру, сатьяграха стала эффектив-

ным способом побуждения широких масс к действию, методом, который отвечал особенностям психического склада индийского народа.

Освобождение от колониального гнета не было для Ганди конечной целью. В нем он видел лишь первый шаг к построению ненасильственной цивилизации.

Еще в 1908 г., находясь в Южной Африке, Ганди на страницах издаваемой им газеты «Indian Opinion» («Индийское мнение») подробно изложил свои взгляды на цивилизацию. «Разговор» редактора (Ганди) с читателем (собираемым) позже был опубликован в неоднократно переиздававшейся брошюре «Хинд сварадж», или «Индийское самоуправление».

Под цивилизацией (на родном для Ганди языке гуджарати означающей «хорошее поведение») он понимает «такое поведение, которое указывает человеку путь долга»¹. Современная западная цивилизация не отвечает этому понятию, ибо она есть воплощение зла. Главный символ западной цивилизации – машины, которые «представляют собой великий грех»². Ганди ненавидит машинное производство прежде всего потому, что видит в нем причину уничтожения кустарных промыслов и традиционного индийского образа жизни. «Именно машины довели Индию до нищеты... Индийские ремесла исчезли из-за Манчестера»³. Машинное производство Ганди сравнивает со «змеиной норой», в которой гнездятся «сотни змей»: города, уничтожающие деревни, рабство рабочих, ужасающая эксплуатация женского труда, безработица, половая распущенность, неверие в бога, наносящие вред здоровью людей механические средства передвижения и т. д.⁴ Насилие «насквозь пронизывает западную цивилизацию во всех ее сферах»: экономике, политике, во взаимоотношениях людей, в международных отношениях. «Тягчайший грех» этой цивилизации – империализм.

В «машинизированном» Западе Ганди претило также нарушение органически присущих человеку связей с природой. Его мироощущению полностью созвучны настроения европейских противников техницизма, так точно переданные Николаем Бердяевым: «Техника радикально меняет отношение человека к пространству и времени. Она враждебна всякой органической воплощенности. В технический период цивилизации человек перестает жить среди животных и растений, он ввергается в новую холодно-металлическую среду, в которой нет уже животной теплоты, нет горячей крови. Власть техники несет с собой ослабление душевности в человеческой жизни... Техника убивает все органическое в жизни...»⁵

Истинная цивилизация, по мысли Ганди, должна быть основана на принципах сознательного и добровольного самоограничения. В области экономики это опора на деревню и кустарные промыслы. Не случайно символом национально-освободительного движения Ганди избрал прялку – именно ее он считал орудием национального возрождения. Прялка могла бы восстановить ремесла, освободить индийцев от зависимости колониального импорта тканей, обеспечить массовую занятость людей и тем самым избавить страну от безработицы.

¹ Ганди, М. «Хинд сварадж», или Индийское самоуправление / М. Ганди // Моя жизнь. – М., 1969. – С. 446.

² Он же. Моя жизнь. – С. 449.

³ Там же. – С. 448–449.

⁴ Там же. – С. 450.

⁵ Бердяев, Н. Духовное состояние современного мира: доклад, прочитанный в мае 1931 г. на съезде лидеров Мировой Христианской Федерации // Новый мир. – 1990. – № 1. – С. 219.

Махатма являлся сторонником децентрализации производства, ибо считал губительными условия, способствующие накоплению капитала. Концентрация промышленности в городах, по его мнению, привела деревню к разорению. Необходимо возродить деревню, сельскую общину, поставив город им на службу. Ганди считал целесообразным сохранить лишь некоторые отрасли промышленности (он воздерживался от уточнения, какие именно). Причем полагал, что необходимо установить «государственную собственность всюду, где работает совместно большое число людей. Через посредство государства они будут собственниками продуктов своего труда...»⁶. Во всех остальных сферах Ганди (хотя он и не исключал индивидуальное производство) предпочтение отдавал кооперации: «Всякая деятельность, насколько возможно, должна вестись на кооперативной основе»⁷.

Стремясь уничтожить такую форму насилия, как эксплуатация, Ганди в то же время был противником принудительной экспроприации собственности. Однажды его спросили, как он смотрит на полную ликвидацию частной собственности. Ганди ответил: «Уничтожив капиталистов, рабочие лишатся курицы, несущей золотые яйца»⁸. Точно так же он полагал более разумным не ликвидировать помещичье землевладение, а улучшить его, поскольку «человек, который представляет свой ум и деньги, – такой же земледелец, как и тот, кто вкладывает свой физический труд»⁹.

Ганди возражал против экспроприации не потому, что выступал «агентом» эксплуататорских классов, как полагали некоторые. У него для этого имелись другие основания. Во-первых, Ганди учитывал низкий культурный уровень основной массы трудящихся индийцев, которые в большинстве своем, будучи неграмотными, просто не могли быть независимыми производителями. Во-вторых, ему претило всякое насилие, даже оправдываемое благородными целями. Он считал не только более нравственным, но и более результативным, эффективным путь последовательных реформ, личного и коллективного совершенствования. Постепенное устранение частной собственности, по мысли Махатмы, возможно через опеку. Своим нетерпеливым противникам, считавшим подобный путь преобразований слишком долгим, Ганди отвечал: «Путь к счастью и процветанию *кисанов* (крестьян. – М. С.) заключается в том, чтобы сделать их образованными, с тем чтобы они поняли причину своего нынешнего положения и пути его улучшения. Мы можем указать им ненасильственный или насильственный путь. Последний, может быть, кажется соблазнительным, но в конечном итоге – это гибельный путь... По видимости, самый длинный путь часто оказывается кратчайшим»¹⁰.

Точно так же во взаимоотношениях рабочих с предпринимателями Ганди отдавал предпочтение мирному урегулированию, а не конфронтации. Это не значит, что он вообще возражал против стачек, забастовок. Однако полагал более желательным обращение к законодательству, арбитражу. Только в крайнем случае он считал возможными забастовки.

⁶ Ганди, М. Альтернатива индустриализации / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 550–551.

⁷ Gandhi, M. *Rebuilding Our Village* / Ed. B. Kumarappa. – Ahmedabad, 1951. – С. 5.

⁸ Idem. *Towards Non Violent Socialism*. – Ahmedabad, 1951. – С. 150.

⁹ Ганди, М. Кисан и заминдары / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 531.

¹⁰ Там же. – С. 531–532.

Махатма не раз стоял во главе забастовок, завершавшихся успехом. При этом он руководствовался определенными правилами: не начинать забастовку без соответствующей подготовки и не использовать ее в сугубо политических целях. «Не отрицаю, – писал он, – что забастовки могут служить политическим целям. Но... не нужно большого ума, чтобы усвоить, что чрезвычайно опасно использовать рабочих в политических целях, пока рабочие не поймут политическую обстановку в стране»¹¹.

Идеал ненасильственной цивилизации может воплотиться в жизнь лишь при условии коренного изменения характера международных отношений. В связи с этим Ганди мечтал о создании всемирного правительства или, по крайней мере, всемирного союза свободных наций, который бы положил конец колониальному гнету, гарантировал равенство всех народов, предотвращая агрессию и эксплуатацию одних народов другими, защитил национальные меньшинства, объединил мировые ресурсы во имя всеобщего блага. Махатма настаивал на необходимости установления такого мирового порядка, который бы был свободен от эксплуатации, базировался на принципах равноправия, взаимного уважения и сотрудничества народов. Безусловно, в этой цивилизации нет места какому-либо виду агрессии. «Я верю, – писал Ганди, – что любая война непременно является злом». В то же время Махатма признавал, что следует различать агрессоров и тех, кто взялся за оружие, оказавшись жертвой агрессии.

Чрезвычайно показательна позиция, занятая Ганди в связи с атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки. Махатма не принял оправдательных мотивов этой акции. Япония совершила злодеяние во имя недостойных устремлений. «Но большая недостойность не дает права менее недостойному (имеются в виду США. – М. С.) безжалостно уничтожать японских мужчин, женщин и детей»¹². Ганди видит трагичность случившегося в том, что атомная бомба отвергла «законы войны», которыми веками руководствовались люди. А главное – она «погубила души» Японии и США, ибо контрнасилием нельзя положить конец насилию: «Ответная ненависть служит лишь распространению и усилению ненависти»¹³. Ганди выступал за разоружение, призывал великие нации подать пример, решиться на то, чтобы в одностороннем порядке отказаться от милитаризации.

Конечно, проповедь любви как нормы поведения в международных отношениях может казаться наивной. Махатма и сам признавал, что «потребуется долгое время для того, чтобы закон любви получил признание в международных делах»¹⁴. Тем не менее, он предсказывал медленное и неуклонное движение к осознанию людьми той истины, что сила не решает проблемы.

Таково в общих чертах идейное кредо гандизма. Оно не ограничено задачами достижения Индией национального освобождения или радикального переустройства индийского общества на основе переосмысления религиозных традиций. Оно имеет *глобальные* измерения, ибо в конечном счете направлено на достижение мировой ненасильственной цивилизации.

¹¹ Ганди, М. Статья о забастовках / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 483.

¹² Он же. Атомная бомба и Хиросима / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 567.

¹³ Там же. – С. 567–568.

¹⁴ Young India. – 1919. – 23.06.

Является ли гандистская схема будущего умозрительным построением утопии или же проницательным предвидением хотя и отдаленного, но все же принципиально возможного мироустройства? Многие оценивают гандистский проект как «архаическую для нашего времени историческую концепцию», ориентирующую на консервацию докапиталистических общинных отношений. Такого рода суждения небезосновательны. Поводов для них достаточно в высказываниях Махатмы о машинном производстве, о современных видах транспорта и энергетики, о городах, которые виделись ему не иначе как «придатками деревни», о денежной системе и торговле, сводимой к межобщинному натуральному обмену, и т. д. По существу, Ганди выступил предтечей современного общественного феномена, который стал особенно ощутим в последнее десятилетие. Речь идет о «фундаментализме» или «возрожденчестве». В странах третьего мира оно представляет ныне не просто широкое, но зачастую доминирующее социально-политическое течение.

«Возрожденчество» – своеобразная реакция отторжения ориентированной на Запад модернизации. Но не только. Оно, по сути дела, и признак реформационного процесса, направленного на выявление внутренних импульсов развития, позволяющих традиционным обществам выйти на современный уровень жизни. «Каждый, кто любит Индию, – писал Ганди, – должен прильнуть к древней индийской цивилизации, как дитя к материнской груди»¹⁵. Здоровый рост возможен лишь при сильных корнях, питающихся живительными соками родной почвы.

В то же время «возрожденчество» Ганди отлично от идейных течений указанной направленности. Достаточно сравнить его с идеологией индуистского «Джана сангх» или «Братьев-мусульман», чтобы понять – принципиальная особенность гандизма в терпимости, и более того – в уважении к другим культурам, во всеобъемлющем духе ненасилия.

Гандистское возрожденчество полностью свободно от националистического эгоизма. Нравственно оправданным Махатма считал лишь то, что не ущемляет интересы других. Он утверждал: «Когда интересы чьей-то страны не находятся в конфликте с интересами мира, служение делу страны ведет человека к мокше»¹⁶. «Интернационализм» Ганди основывается на убежденности в существовании человеческого единства. «Бог – общая сумма всех душ», «У нас одна душа», – любил повторять он¹⁷.

Одной из принципиальных особенностей гандистского реформаторства является то, что, порожденное реалиями индийской действительности, оно ориентировано на преобразование человеческого сообщества в целом. Обращая внимание на этот «всемирский» характер гандизма, первый биограф Махатмы писал: «Я сомневаюсь, чтобы какая-либо религиозная система абсолютно сдерживала его. Взгляды Ганди слишком тесно роднятся с христианством, чтобы быть полностью индийскими, и слишком глубоко пропитаны индуизмом, чтобы называться христианскими. Его симпатии так обширны и всеобъемлющи, что, кажется, он достиг точ-

¹⁵ Ганди, М. Моя жизнь. – С. 448.

¹⁶ The Collected Works of Mahatma Gandhi. – 1927–1928. – Vol. XXXII. – С. 430.

¹⁷ См.: Chatterjee, M. Gandhi's Religious Thought. Notre Dame: Notre Dame Press, 1983. – P. 132.

ки, где сектантские формулы бессильны»¹⁸. Сам Махатма внешним обликом, использованием терминов, понятий, символов индуизма постоянно демонстрировал неразрывную связь с индийской культурой. В то же время он не уставал настаивать на единстве человечества. «...Общественная, политическая, религиозная деятельность человека должна направляться конечной целью поиска Бога, – писал Махатма. – Единственный путь найти Бога – это увидеть Его в Его творении и быть единым с Ним. Это может быть осуществлено только посредством служения всем. Я – часть целого, и я не могу найти Его в отрыве от всего человечества»¹⁹.

Гандистское видение будущего лишено линейного, иерархического представления о прогрессе. Оно созвучно самым современным идеям. За два года до смерти Махатма писал: «Жизнь не будет пирамидой с вершиной, зиждущейся на основании. Но она будет океанским кругом, центром которого является индивидуум, всегда готовый умереть во имя интересов деревни, последняя будет готова исчезнуть во имя круга деревень. Так будет продолжаться до тех пор, пока, наконец, целое не станет одной жизнью, состоящей из индивидов, никогда не агрессивных в своих притязаниях, но вечно скромных, разделяющих могущество океанского круга, составными которого они являются. Вот почему внешняя сфера круга не будет стремиться к уничтожению внутреннего круга, а, напротив, будет придавать силу всему внутри и сама черпать оттуда силы для себя»²⁰.

Что это – утопия или провидение? Не была ли приверженность к идеалу ненасилия самой трагической ошибкой Махатмы? Разве история Индии и его личный полный драматизма конец не доказывают бесперспективность отстаиваемого им метода ненасильственного достижения цели? Вспомним, какой высокой ценой оплачена независимость Индии – разделом великой страны по религиозному признаку, созданием в 1947 г. Пакистана. Раздел сопровождался жестокими межобщинными столкновениями. В ответ на обращение Ганди с проповедью религиозной терпимости и братства все чаще и чаще слышалось (как со стороны индусов, так и мусульман) ожесточенное: «Ганди *мурдабад!*» («Смерть Ганди!») И тогда Махатма объявил шестнадцатую в своей жизни голодовку протеста. Она длилась с 12 по 18 января 1948 г. Получив обещание начать примирение, Ганди прекратил голодать. Но 30 января в момент выхода Махатмы к людям, пришедшим выслушать его проповедь, из толпы вышел человек и трижды в упор выстрелил в него.

Бескровное обретение независимости не состоялось. Людское ожесточение привело к захлестнувшей страну межрелигиозной вражде, гибели сотен тысяч людей. Сам проповедник ненасилия – *ахимсы* – был убит.

Неужели подвижничество Ганди оказалось напрасным, отстаиваемые им идеалы – бессмысленными?

Ответ на этот вопрос важен не только для оценки прошлого. Без него не может быть спокойной совесть современников.

¹⁸ Joseph, J. Doke. M. K. Gandhi – an Indian Patriot in South Africa. – Delhi, 1967. – С. 106.

¹⁹ Harijan. – 1936. – 29.08.

²⁰ Harijan. – 1946. – 22.07.

Сам Ганди отвечал на поставленный вопрос совершенно четко. «Единственной надеждой для страждущего мира, – писал он 15 июля 1947 г. в предчувствии трагического конца, – является узкий и прямой путь ненасилия. Миллионы, подобно мне, могут потерпеть неудачу в попытке доказать истину своей собственной жизнью, но это будет их личная неудача, ни в коем случае не неудача этого вечного закона»²¹.

Да и на самом деле, справедливо ли считать гандистский эксперимент полностью неудавшимся? Разве не пробудил Махатма самосознание соотечественников, не вселил в них, забытых, безоружных, лишенных надежд, веру в свои силы, способность одолеть зло? Разве не объединил он в могучем освободительном порыве всех без различия касты, классовой и религиозной принадлежности? Разве не обезоружил многих из своих противников примером «страдания без отщепенности»? Разве, наконец, не вдохновил он на ненасильственное подвижничество антирасистское движение в США и Африке, на борьбу за мир на Востоке и Западе, Севере и Юге?

Недальновидному взору Ганди предстанет как безнадежный идеалист. Но проницательный ум оценит его как «мечтателя, твердо стоящего на земле». Будучи трезвым реалистом, Махатма осознавал нереальность полного торжества идеи ненасилия в ближайшем будущем. «Я знаю, что прогресс ненасилия, по всей видимости, ужасающе медленный процесс, – писал он в 1939 г., – но опыт убедил меня в том, что это самый надежный путь к цели... Насилие, даже ради защиты справедливости, уже почти изжило себя. С этим убеждением я согласен прокладывать свою одинокую борозду, если мне не суждено иметь единомышленников в беспредельной вере в ненасилие»²².

«Банкротство» (его собственное выражение) политики ненасилия в Индии Махатма объяснял не ошибочностью самой идеи, а тем, что осуществлявшееся в его стране в течение нескольких десятилетий движение демонстрировало, по существу, «пассивное сопротивление, к которому прибегает слабый»²³. Ненасильственное сопротивление, по его мнению, станет «могущественнейшей силой в мире», когда к нему обратятся из убеждения. Тогда оно превратится в «ненасилие сильного»²⁴.

Ганди трезво оценивал и перспективы реализации проекта ненасильственной цивилизации. «Возможно, – писал он за два года до смерти, – мне извительно заметят, что все это утопия и потому не стоит даже об этом думать. Если эвклидова точка (хотя изобразить ее свыше человеческих способностей) имеет непреходящую ценность, то и нарисованная мною картина имеет ценность для будущего человечества. Пусть Индия живет ради этого, хотя это и невозможно осуществить полностью»²⁵.

Ненасильственная цивилизация действительно кажется утопией. Движение истории непреодолимо. Консервация прошлого (общинного устройства, «сельской цивилизации», патриархальной семьи и т. п.) невозможна и нежелательна.

²¹ Цит. по кн.: Ганди, М. Моя жизнь. – С. 569.

²² Ганди, М. Моя жизнь. – С. 150.

²³ Он же. Коренное различие / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 570.

²⁴ Он же. Ненасилие / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 568.

²⁵ Он же. Независимость / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 549.

Тем не менее, гандистский проект имеет и определенные позитивные черты. В нем содержится критический пафос, который оказывает отрезвляющее и оздоравливающее воздействие на тех, кто ищет пути преодоления социально-экономического отставания посредством слепого копирования чужих общественных моделей. Эта критика может быть плодотворной и для тех, кто, живя в материально благополучных странах, осознает необходимость совершенствования, движения к лучшему миру не для одних только «избранных» наций, но для человечества в целом.

И, наконец, главное: гандистский идеал будущего – мир без насилия. Ганди открыл для себя и возродил для других общечеловеческую ценность – уважение к священному дару жизни. Цивилизация без насилия – маяк, освещающий путь, дабы человечество не погибло во тьме.